

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

СОКОЛ НАД ЛЕСАМИ

Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Сокол над лесами / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 544 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-242611-7

Потеряв сына, Благожит, князь дреговичей, объявил, что новым наследником станет муж его дочери Яронег и пригласил всех знатных отроков к состязанию за невесту. Но земли, лежащие на важном для многих рубеже, интересны и Киеву, где, после гибели мужа, правят мудрая княгиня Ольга и ее тринадцатилетний сын Святослав, сокол русских земель. Вот только достанется ли невеста Руси, представителей которой недолюбливают в лесном крае?..

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242611-7

© Дворецкая Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть первая

Весною свадеб не играют, да и не в обычае, чтобы вдова шла снова замуж, не выждав и полугода. Предславу Олеговну многие в Киеве осуждали: правнучка Вещего-де могла бы порадеть о родовой чести. Да и в мужья она себе выбрала варяга из заморья, никому здесь не ведомого.

Княгиня Эльга пришла в изумление, когда Алдан с обычным своим дружелюбным и невозмутимым видом — как будто говорит с ровней, не выше и не ниже себя, — попросил у нее согласия на брак с ее младшей родственницей. Эльга знала его около трех лет. Поначалу он нанялся в гридьбу к князю Ингвару, и отличился в достопамятном походе на Свинчesk; потом перешел в оружники к воеводе Мистине Свенельдичу, с которым они состояли в отдаленном родстве через общих предков из Хейтабы. Его настоящее имя было Хальвдан, но среди киевских русов оно еще в прежних поколениях стало звучать как Алдан, и он быстро привык. Особенно Алдана прославили недавние заслуги при избиении деревских старейшин на могиле Ингвара и в битве при взятии Искоростеня. Нынешней весной Мистина решил сделать его воспитателем — кормильцем, как это называлось у славян, — своего второго сына, Велерада, которому исполнялось семь лет. И хотя среди носящих меч русов тридцатилетний Алдан пользовался уважением, все же нынешняя его просьба выглядела дерзкой.

— Может быть, люди скажут, что госпожа вдовееет слишком недавно для нового замужества, — добавил он, —

но в первом браке ей уж очень не повезло, и несправедливо было бы томить такую хорошую женщину и заставлять ее долго дожидаться счастья.

Пораженная Эльга не сразу собралась с мыслями хоть для какого-нибудь ответа. Ей уже приходилось размышлять о будущем Предславы, и эта забота занимала немалую долю среди прочих ее забот. Предслава была правнучкой Олега Вещего, да и отец ее, Олег по прозвищу Моровлянин, тоже одиннадцать лет сидел в Киеве князем. А значит, и с ней в приданое шли некие права на Олегов стол. Еще почти год у Эльги будет предлог отклонять любое сватовство к ее младшей родственнице — срок вдовства. Но в дальнейшем Предслава и ее возможное замужество могли причинить княгине немало забот. «Для нас было бы проще, если бы она погибла в Искоростене вместе с Володиславом», — как-то сказал Мистина. Эльга тогда рассердилась на эти слова: она любила Предславу. Но понимала: по сути дела Мистина прав, внучатая племянница самим своим существованием несет угрозу ей и Святославу. Получи ее в жены человек родовитый, честолюбивый и отважный — иные сочтут, что ему уместнее занимать киевский стол, чем Ингоревай вдове и юному сыну. Виданое ли дело — столько земель в руках жены и отрока! Издалека стол киевский кажется пустым...

И вдруг объявляется Алдан! Пришелец, простой хирдман, человек, ни родом, ни положением не достойный такой жены. Первая мысль Эльги была: это невозможно! Но вторая — это наше спасение... Ведь за Алданом никто не признает прав на киевский стол, возьми он в жены хоть саму Зарю-Зареницу.

Эльга с сомнением взглянула на Мистину — своего первого советчика:

— Как по-твоему: будет дело?

— Алдан, ты наглец! — весело воскликнул Свенельдич, откидываясь к стене. — Ты, стало быть, уверен, что с тобой внучка пяти княжеских родов станет счастлива!

— Конечно, — Датчанин двинул плечом. — Я ведь люблю ее и желаю ей счастья, а не пытаюсь с этим браком обрести права на престол, чтобы потом десять лет за него воевать и едва не погубить ее саму.

С Эльгой и Мистиной Алдан говорил родным своим датским языком, а они отвечали ему на «русском» — языке русов, чьи предки уже три-четыре поколения жили среди славян. С варягами, рожденными в северном заморье, русы еще понимали друг друга без большого труда.

— Шуму выйдет много. Но по сути дела... — Мистина подался вперед, опираясь о колени и оглядывая собственного оружника новым взглядом.

Он считал Алдана надежным и толковым человеком, иначе не доверил бы ему своего сына. Но муж правнучки Вещего — иное дело.

— Возьми твой меч, — велел Мистина, — и поклянись мне и княгине, что ты не задумал бороться ни за какой из престолов, которыми владели предки Предславы.

— Ты, хёвдинг, меня знаешь уже три года. Я похож на дурака?

— Такие возможности и умных людей сводят с ума.

По лицу Мистины нельзя было угадать, что через точно такое же искушение он прошел и сам. Но Эльга невольно бросила на него значительный взгляд — она помнила.

Алдан шагнул за порог — входя в жилую избу княгини, свой меч он оставил отрокам на крыльце, — и что-то сказал. В дверь всунулся Ольрек — один из телохранителей Эльги, с Алдановым мечом в руке; вопросительно взглянул на госпожу и по ее кивку протянул меч владельцу. Хирдман повернулся к Эльге и нарочито медленно вынул из ножен клинок. Это был очень хороший «корляг», с богатым набором золоченой бронзы. Ранее он принадлежал Сигге Саксу, старшему оружнику и правой руке покойного воеводы Свенельда. После смерти вождя Сигге изменил киевским князьям и был зарублен над могилой Ингвара среди деревской знати. Имен-

но Алдан сумел отсечь ему голову и за это получил все, что нашлось на теле, в том числе меч.

Едва ли жилая изба княгини когда-нибудь видела блеск клинка — такие клятвы приносятся при послухах, в гриднице или в святилище. И не много было людей, кому позволили бы обнажить меч в присутствии княгини, ее маленькой дочери и воеводы.

— Я клянусь богами Асгарда, — Алдан поднял меч к лицу, — и честью моих предков, что прошу госпожу Предславу в жены ради любви к ней и чтобы оградить ее от всех бед, которые несет борьба за власть. Сам не желаю власти ни над чем, кроме себя, своей семьи и своей судьбы. Если я лгу — пусть не укроет меня мой щит и пусть буду я разрублен острым железом, как меч конунга разрубает золотое обручье.

Он коснулся губами основания клинка, потом приложился к нему лбом и поочередно обоими глазами.

Мистина снова откинулся к стене, потом взглянул на Эльгу. Княгиня была взволнованна, и он, хорошо ее зная, это видел.

Почувствовав его взгляд, она повернула голову; в глазах ее блестели слезы.

— Ступай, Алдан, — сказал оружнику Мистина. — Княгиня поразмыслит и передаст тебе свое решение.

— Я поговорю с ней, — немного сдавленным голосом добавила Эльга. — И...

Она осеклась, прикусила дрожащую нижнюю губу и замахала рукой: уходи. Алдан, уже убрав меч в ножны, почтительно поклонился обоим и вышел. Шаги его затихли на крыльце.

Эльга прижала ладони к лицу, пытаясь овладеть собой. Мистина встал, шагнул к ней и потянулся, желая ее обнять; она подалась в сторону, ускользая. Отвернувшись, но непокорные слезы потекли по пальцам. Тыльной стороной ладони она поспешно вытерла глаза и щеки. Мистина снова придвинулся к ней, но она решительно отступила и подняла руки перед собой.

— Не подходи, — сдавленным от слез голосом сказала Эльга; не испуганно, не гневно, а почти деловито.

— Ты плачешь, а я буду смотреть, будто мне нужды нет?

— Да. Ты не можешь меня утешить. Только будет хуже.

Его объятия лишь оживят в ее памяти то счастье, какого она лишена.

Война в земле Деревской отняла мужей у них обоих — у Эльги и Предславы. Русы и древляне в короткий срок лишились своих князей, их жены остались вдовами, а дети — сиротами. Эльга после гибели Ингвара вдовеет уже полгода. Предславиному вдовству едва три месяца — и вот к ней в дверь уже стучится новая жизнь и, надо думать, более добрая доля, чем выпала в первый раз. Эльга желала счастья бывшей деревской княгине, но от мысли о нем щемило сердце. Никто не думал, что Эльга, еще не старая женщина, оставшись во главе огромной державы, остаток жизни проживет вдовой. Одни просто ждали, кого княгиня изберет, другие готовились побороться если не за свадебный рушник, то хотя бы против нежеланного для себя Ингорева преемника. Но сама она знала: ни старое, ни новое женское счастье к ней больше не придет. Княжеский стол державы русской высится стеклянной горой между нею и всеми на свете женихами.

Тот единственный, кто для нее много значил как мужчина, стоял в трех шагах, но был далек и недостижим, как солнце в небе. В глазах его она сейчас читала то же, что он не так давно сказал ей вслух. «Дай знать, когда передумаешь». Но подчиниться своему влечению к нему Эльга сейчас могла даже менее, чем при жизни Ингвара.

— Не знаю, как быть, — Торопливым шагом Эльга прошла по избе, вдоль длинной лавки, крытой тканым ковром. С усилием она отгоняла мысли о себе и старалась сосредоточиться на судьбе Предславы. — Если она выйдет за такого незнатного мужа, то мы уроним родовую честь, но зато избежимся от многих бед. Я не смогу заставить ее вдоветь до самой смерти — ей ведь едва за двадцать... двадцать два, мнит-

ся. Да, помню, у нее «краски» пошли перед тем, как ты от греков воротился, той самой осенью, а тому будет...

— Будет ровно десять лет.

Мистина ничего не добавил, но воздух между ними будто сгустился от воспоминаний, одинаково ярких для них обоих. Несущих и тоску, и отраду.

— Мужички нарочитые мне этого не простят, — Эльга замотала головой. — Они небось уже наострились к ней свататься, как срок подойдет. Ты веришь, что Алдан из любви ее хочет взять?

— Почему нет? — Мистина повел плечом. — Она красивая женщина, ее всякий хотел бы в жены. И Алдан ведь ее нашел в Искоростене. Он не такой дурак, чтобы лезть в огонь ради пяти гривен, которые Хакон обещал. Он полез ради нее, а это что-нибудь да значит.

— Тогда это наилучший выход. Отдать ее за высокородного человека невозможно. А с Алданом она и сама будет счастлива, и для нас не опасна. И дети ее вырастут детьми Алдана, а не Володислава деревского.

— Ее детям волю давать нельзя.

— Я и не дам. Пусть просто живут при ней, пока малы. Увидишь — она им еще братьев нарожает. И опять мы с тобой вдвоем будем отдавать ее замуж, — Эльга заставила себя улыбнуться.

— Нет-нет! — Мистина потрянул головой. — Теперь при ней есть родной отец, и я больше не понадобится. Пусть теперь у Олега наутро лоб трещит... Хотя, правду сказать, за Алдана я отдал бы ее с куда большей охотой, чем тогда отдавал за Володислава.

Эльга снова села; в мыслях ее прояснилось, лицо разгладилось, она уже готова была улыбнуться. Весеннее солнце лило лучи в отволоженное оконце, и при ярком свете ее глаза блестели, как зеленовато-серые самоцветы. Лишь глаза и того же цвета смарагды в ожерелье выделялись в ее облике, все прочее было белым: платье, хенгерок, шелковый убрус, обвивавший голову и шею. Без остатка растаяли снега той

страшной зимы, когда русское войско шло по земле Деревской, разоряя веси и уводя жителей в полон в отместку за убийство Ингвара, князя киевского. Земля уже облеклась в зеленое платье новой юности, только в одеяниях Эльги, воплощенной силы и славы руси, задержалась зима. И грозила стать вечной.

— Если Олег будет против, его я не стану слушать! — с веселой решимостью заговорила она, будто не блестели на ее щеках остатки только что пролитых слез. — Предслава теперь не его, она моя! Он не ходил с нами Деревы воевать, и теперь его дочь и внуки — мои пленники, только я решаю, что с ними делать! Если Предслава и правда хочет Алдана, я и не подумаю ей мешать!

Эльга с вызовом взглянула на Мистину: она понимала, что ее решение возмутит очень многих. Но Мистина едва ли ее услышал: он смотрел на ее лицо, впитывая взглядом его красоту. Не может быть, чтобы эта женщина, понимая ценность чужого счастья, обрекла саму себя на вечную зиму. Ведь Эльга, хоть и приходится Предславе двоюродной бабкой, старше ее всего на восемь лет. Эта весна для нее тридцатая, да и этих лет никто ей не даст. Даже в белой вдовьей сряде, со следами слез на щеках она похожа на первый цветок среди тающего снега, подснежник, прохладный и свежий.

— Позовите Предславу, — Княгиня взглянула на челядинку.

Предслава, зная о том, что Алдан пошел к Эльге, сидела в девичьей избе. Как ни хотелось ей узнать свою судьбу, она была в такой тревоге, в таком смущении, что в конце концов самому Мистине пришлось сходить и привести ее. Она вошла, едва ли не упираясь, с пылающим лицом. Не хуже других она понимала, какой шум и возмущение вызовет второй брак правнучки Олега Вещего, недавней деревской княгини; ее предки в северном заморье о таких делах говорили «скатиться с перины на солому». Но ее молодое, жаждущее жизни существо не могло долго томиться в печали. После

восьми лет не слишком счастливого замужества и полного бед последнего года, после осады и падения Искоростеня, когда она и двое ее малых детей едва избежали гибели, ее неудержимо влекло к теплу души и тела, которое обещал ей рослый, сильный датчанин с добрыми глазами на лице умелого убийцы.

При виде нее Эльга лишь всплеснула руками, не находя слов. Высокая, голубоглазая и золотобровая Предслава была миловидна и привлекательна; в молодом крепком теле играла кровь, и любой честолюбец признал бы, что такая жена — счастье для мужа, каков бы ни был ее род.

— Моя родная! — Стараясь справиться с собой, Эльга подошла к ней. — Что же ты мне не сказала, что уже хочешь снова замуж? Он правда тебе нравится? Ведь к тебе будут свататься куда знатнее женихи!

— Алдан правда мне нравится! — Предслава, с мольбой в глазах, взяла Эльгу за обе руки. — Еще тогда, когда они нас с жатвы увезли, я потом все о нем вспоминала... вот, думаю, дура я.

— Ты хорошо поразмыслила?

— Я не хочу размышлять! Я хочу, чтобы у меня был муж, который меня любит. Чтобы я могла ему верить и полагаться на него.

Ничего больше не сказав, Эльга обняла ее. Ужасно быть связанной с тем, кому не доверяешь, но у Предславы никогда прежде не было выбора. Родители обручили ее трехлетней девочкой; наступление ее женской зрелости стало целым делом меж Искоростенем и Киевом; два года русь и древляне торговались за нее, а потом она восемь лет прожила заложницей рода русского в чужом, враждебном племени, где не любил ее никто, даже мужнина семья. Так неужели сейчас, когда она таким страшным образом овдовела и едва не убралась вслед за нелюбимым супругом на тот свет, лишить ее права выбрать себе новую долю?

— Будь по-твоему. — Эльга вздохнула. — Я дам тебе приданое. Хочу, чтобы ты была счастлива... Не подведи меня!

Она разжала объятия и даже слегка оттолкнула Предславу; на глаза опять просились слезы, а как ей было объяснить, о чем они?

— Я не подведу. — Предслава взглянула на Эльгу с чувством вины и с благодарностью, и еще с каким-то смутным ощущением, усиливавшим чувство вины.

В чем она должна не подвести — чтобы на Свенельдовом дворе без воеводы все шло хорошо? Для этого там Ута есть, жена Мистины, — при ней уже пятнадцать лет все идет хорошо. Или в том, чтобы все-таки найти счастье в новом браке, который многие сочтут безумием, а то и бесчестьем? Ей, единственной, кому судьба позволяет выбрать мужа по сердцу? Ведь в этом деле княжеская дочь куда менее свободна, чем простая девка-веснянка, выглядывающая себе парня на игрищах у реки.

А княгиня киевская? Та, в чьих руках судьба Предславы и еще десятков тысяч людей, не властна только над одной судьбой — своей собственной.

Когда обрадованная Предслава ушла, Эльга снова села. В груди теснило от радости и горя, навалившихся разом. Она не хотела завидовать. Ей это не к лицу. И бесполезно. Никакая царица, никакая богиня не может соединить ее с тем, кого избрала бы она. Мысли о собственной любви были для Эльги отравлены стыдом, необходимостью таиться от всего света и при том понимать, что весь свет-то прозревает истину.

Мистина — тот единственный человек, который мог бы, пожалуй, вслед за Ингваром занять киевский стол и не вызвать сильного возмущения в народе. Его матерью была ободритская княжна, отцом — прославленный воевода, да и сам он показал себя весьма достойным такой чести. Русь поддерживала бы его, сторонников у него нашлось бы больше, чем противников. Но у него уже есть жена, и это тоже племянница Вещего — Ута, двоюродная сестра Эльги. Эльга не могла бы предложить развод двум самым близким людям, что у нее были. Так унижить сестру, которая всем жертвовала ради нее.

Но и кроме того — что будет потом, в следующих поколениях? У Мистины пятеро детей, скоро будет шестеро. И как знать, не вздумают ли они в будущем бороться за киевский стол со Святославом? А ведь правами на южную Русь и на северную, объединенными в одно, владеет только Святослав.

Новый брак для Эльги был невозможен. И о любви она запретила себе думать. В первый год без Ингвара, когда сотни глаз пристально следят за каждым ее шагом, она должна быть безупречна, чтобы ни единая тень подозрения ее не коснулась. Теперь у чести ее появился новый неумолимый страж — ее сын, тринадцатилетний князь русский Святослав. Они делили киевский стол и были равны в правах. И насколько Эльга за эту зиму успела узнать свое повзрослевшее дитя, прощать ей оплошности Святослав склонен куда менее, чем его покойный отец. Женщина на княжьем столе, урони она себя хоть на волос — и сотни языков станут чернить ее и гнать. Святослав так юн — окажись он единственным обладателем киевского стола, многие увидят в этом удачный случай взлететь. Русь любит и почитает свою княгиню, наследницу Олега Вещего, но и мешает она многим...

Куда сильнее, чем недоброжелательство чужих, Эльгу ранило явное желание сына поскорее вырваться из ее тени. Но он слишком еще юн и неопытен, чтобы пускаться в самостоятельный полет.

— Совсем не худо выдать Предславу замуж так быстро, — подал голос Мистина. — Когда вдова Володислава получит нового мужа, никто уже не станет сомневаться, что прежний мертв.

— Сейчас ведь уже поздно его искать?

— Сейчас мы его уже не опознаем, даже если найдем. Искать следовало сразу после битвы, но ты помнишь — не до того нам тогда было.

Предслава считалась вдовой с того ужасного дня, когда сгорел Искоростень — с тех пор мужа ее, Володислава деревского, никто не видел ни живым, ни мертвым. Как оруженники вспоминали после битвы, он с ближней дружиной про-

рывался от моста вдоль рва, и там пали многие его отроки. Искоростень на вершине скалы в то время уже полыхал, и те трупы, что валились в ров, оказались засыпаны падавшими сверху обгорелыми и еще горящими бревнами тына. В тот же день, еще до темноты, киевское войско отошло от Искоростеня — возле огромного кострища и нескольких сотен трупов под закопченной скалой было невозможно оставаться, нечем дышать. Через несколько дней повалил снег, погребая под собой следы побоища. Теперь же, весной, даже если бы и удалось разобрать завал во рву, едва ли кто сумел бы опознать среди разложившихся, изуродованных, раздавленных, обгоревших трупов тело деревского князя. За зиму об этом не раз говорили в Олеговой гриднице и решили: пусть лежат как есть. Сгоревший Искоростень остался заброшенным, его уцелевшие жители по большей части попали в полон. Бывшей столицей древлян владели одни волки да вороны. Для управления землей Деревской Эльга замыслила поставить новый город на чистом месте, а тот ужас постараться забыть навсегда.

* * *

Деревского боярина Коловея с дружиной бужанский князь Етон провожал из Плеснеска не так чтобы тайком — не утаить перемещение трех сотен человек, — но без большого шума. Он не давал пиров в честь древлян, не подносил прощальных даров, и хотя позволил им перед отъездом принести жертвы на Божьей горе, сам при этом не присутствовал и никого из своих бояр не прислал. Будто закрыл глаза на то, что почти триста древлян, мужчин, прошедших войну с Киевом и бежавшие от киевских полков на запад, за реку Горину, покидают его земли. Он и так много сделал для них, давая им приют с месяца сечения. Плеснецкие женщины лечили раненых — а ранены в Коловеевой дружине были мало что не все. Те угощали бужан жуткими рассказами: о нашествии на землю Деревскую киевской руси, о битве на Размысловом

поле, когда русскую рать впервые вывел под своим стягом юный князь Святослав, об осаде и сожжении Искоростеня, о последней встрече с русью в городе Туровце, где Коловей выкупил право себе и своим людям уйти, отдав Свенельдичу-младшему меч самого Ингоря.

Етон даже подарил Коловею бычка для жертвы. Сами древляне привезли в Плеснеск разве что свое оружие и непреклонный дух: здесь были только те, кто отказался жить под властью киевских русов и намеревался так или иначе продолжать бороться за свободу земли Деревской. Больше князь плеснецкий ничем не мог им помочь: с родом Олега Вещего он был связан договором о мире и дружбе, и юный Святослав считался наследником бездетного Етона. Это обеспечивало старому князю безопасность, однако на самих киян он тайком точил последний зуб и потому не гнал древлян прочь и тем более не выдал их своим союзникам.

Последняя священная трапеза древлян в Плеснеске была небогата, но торжественна. Три сотни древлян — только мужчины, частью средних лет, часть отроки, — чинно сидели в обчине Божьей горы за длинными столами. Было почти тихо: ни гудьбы, ни громких разговоров. Ели почти в молчании, отдавая дань уважения этому месту. Угощения выставили немного — мясо жертвенного бычка с толченым чесноком и медовой подливой да хлеб. Все до одного были одеты в белые «печальные» сряды — пребывали «в жалях», как здесь говорили. При виде этих людей сразу делалось ясно: это не отцы семейств с сыновьями. Мало у кого в этой же дружине имелись родичи. Большинство война оторвала от близких, от родного края, от дедовых могил. Их законные родовые владения остались там, где властвовали чужаки-русы. У многих просто больше не было рода: мужчины погибли в схватках, женщины и дети уведены в полон. За зиму едва ли кто по-настоящему привык к мысли, что возвращаться некуда. Даже и решишь кто-то из них вернуться в родные края, в чем никто им не препятствовал, он не найдет там никого из близких. Только родовые жальники. Но стыдно сыну рода де-

ревского глядеть на дедовы могилы, зная, что опозорил их обязанностью покоряться чужакам и платить дань.

— Мы, мужи рода деревского, — начал Коловей, встав во главе стола и держа двумя руками большую резную братину с головой птицы, — и я, Коловей, Любоведев сын, благодарим богов сего места за приют и береженье.

Он повернулся к женщинам возле деревянных чуров близ очага и поклонился им; они ответили степенными кивками. Возглавляла женщин баба Бегляна — старшая жрица Божьей горы, руководительница молений богинь¹ и всех женских обрядов. По обычаю это место принадлежит княгине, но Етон похоронил третью жену много лет назад, а преклонный его возраст — ему пошел восьмой десяток — не позволял ждать, что он приведет новую госпожу в дом. Старая Бегляна Етону приходилась второй вуйной сестрой² и была таким образом самого знатного рода из всех плеснецких жен.

— Свято чтит земля бужанская покон гостеприимства, и наш за это ей низкий поклон, — Коловей еще раз поклонился. — Где был ваш хлеб, там и наш хлеб, и мы добра вашего не забудем, а боги вас вознаградят. Все мы, чада корня дулебского, должны заедино держаться. Одни у нас чуры, одни боги. Пью на вас, бужане!

Он приложился к братине и пустил ее вдоль стола. Одна из девушек пошла вслед за братиной с кринкой, чтобы долить меда, когда та опустеет.

Помогали Бегляне сноха и две младшие внучки, еще незамужние. За зиму девушки привыкли к суровым лицам древлян, к шрамам и увечьям. Сами же они и помогали лечить их ранения. И лишь на одного человека девушки ко-

¹ «Молить кого-либо» означает не «произносить молитву», а совершать обрядовые действия заклинательного характера, в которые может как часть входить и словесный заговор. (Здесь и далее примечания автора.)

² Вторая вуйная сестра — троюродная сестра со стороны матери.